

Валентина

Семенова

Родилась в селе Харик Куйтунского района Иркутской области. Критик, публицист. Автор книг: «Писатели Приангарья» (1996), «Благодаря – а не вопреки» (статьи, рецензии, 2002), «Вместе с бурями века» (обзор деятельности Иркутской писательской организации, 2007).

Публикуется в журналах «Сибирь», «Наши современник». Основные темы: творчество В. Распутина, А. Вампилова и других писателей-иркутян, обзоры событий культурной жизни. Живёт в Иркутске. Член Союза писателей России.

О ТВОРЧЕСТВО, О ЧУДОТВОРСТВО!..

И СПОРЮ, И СОГЛАШАЮСЬ

Есть в истории события, и даже эпохи, которые долго не уходят, или, уходя, являются вновь, заставляя переживать их заново. Вот и книга известного поэта и публициста Ст. Куняева «Любовь, исполненная зла» (М., «Голос-пресс», 2012) возвращает читателя в конец XIX – начало XX века, в Серебряный век, во времена революций, перевернувших вместе с государственностью и всё остальное.

На первых порах возникает естественный вопрос: не слишком ли суров счёт, предъявляемый автором к поэтам Серебряного века? Особенно – к поэтессам? Правомерно ли судить о них только по стихам? Для поэта Ст. Куняева стихи – главное доказательство и приговор. Но разве автор и лирический герой (героиня) – одно и то же? Вот и у М. Цветаевой читаем: «Поэта далеко заводит речь...». И против его воли иногда, надо понимать. Сотворённый поэтом образ, от лица которого он выступает, да ещё и привлёкший читателя, требует постоянного подтверждения. И потом, «серебряники» заплатили дорогую цену за свои блуждания, стихи их проникнуты страданием. И пусть во многом виноваты сами, жалость к несчастным в русском обычае... Люди творят эпоху, но и эпоха творит людей.

И прогремевшую четвёрку из поколения советских «шестидесятников» (или тройку, или пятёрку) – тоже хочется защитить. Крепко достаётся от Ст. Куняева Р. Рождественскому, Е. Евтушенко, А. Вознесенскому, Б. Ахмадулиной, Б. Окуджаве за шаткость позиции. Современники, тем более ровесники (за исключением Окуджавы – он старше), всегда особенно пристрастны другу к другу: общее время, воспринятое неодинаково, разность характеров, личные отношения порой приводят к непримиримости. Но для меня, рождённой в конце другого десятилетия, эти имена уже часть истории советской литературы. Я помню время, когда мы, сибиряки, одинаково гордились тем, что Евг. Евтушенко в детстве жил на станции Зима, а Ст. Куняев в молодости работал в тех же краях, в редакции тайшетской районной газеты. Восточно-Сибирское издательство выпускало книги обоих. Песни на слова Р. Рождественского украшали советскую эстраду, а в стройотрядах мы пели Окуджаву.

Драму этих поэтов, особенно первых трёх, вижу несколько в ином. Они претендовали на большой стиль, свойственный сталинской эпохе. В той эпохе поэт

просто обязан был быть «агитатором, горланом-главарём», выразителем невиданных доселе преобразований. Недаром кумиром всех троих стал Маяковский – явление социализма романтического периода, когда всё только начиналось («Я знаю: город будет, я знаю: саду цвествь», – все мы учили в школе). О какой «тихой» лирике тогда могла идти речь? Евтушенко даже назвал «тихий» «фетятами», о чём, думаю, не раз пожалел. В итоге амбициозным продолжателям бунтарской традиции пришлось «колебаться вместе с линией партии», как шутили в советское время (что необязательно означало одну погоню за «презренной пользой»). После разоблачения Сталина «дети XX съезда» нашли опору в образе другого вождя – Ленина – и по примеру опять-таки Маяковского посвятили ему свои поэмы.

Но всё оказалось сложнее. Религия социализма не выдержала противоречия в самой себе: верить в неодошевлённую материю, в «материальную базу коммунизма» попросту невозможно, во всяком случае долго. Жизнь как была, так и оставалась полной тайн и загадок нематериального свойства. Пафосный «большой стиль» ушёл вместе со Сталиным, «возвращение к ленинским нормам» утраченного не возместило. В то же время откуда-то, из полуживых деревень, одноэтажных городков, реже из столиц, среди грохота строек просочились-пробились голоса о стародавнем и вечном – о полях, пажитях, сельской околице, матери, молящейся за детей, покинувших дом. Не сразу открылось, что роднички забили струйками, родственными Золотому веку русской поэзии. Для «тихий» поэтов самым близким из века Серебряного стал уже не Маяковский, а Есенин.

Всегда смущало слово «тихая», приставленное к лирике Владимира Соколова, Анатолия Передреева, Станислава Куняева, Николая Тряпкина, Николая Рубцова, Анатолия Прасолова, Ольги Фокиной, Василия Казанцева... На самом деле, должно быть обидно, когда общество и государственная идеология не поддерживают национальное направление в культуре своей страны. И совсем не утешает, что в ответ «громкие» получили именование «эстрадники».

Но иначе и быть не могло. Так обозначались границы русскому духу. Тихо, о берёзках, можно, а вот, скажем, об истории, да ещё полной, и «красной» и «белой», о том, что ещё не все раны зажили, лучше не надо... Надо быть скромными, терпеливыми. А ведь культура Золотого века предполагала ещё и русскую державность. Воссоединение её с державностью советской случилось только на время войны, а потом снова пошло путём прерывистым и глухим.

И потому по большому счёту Станислав Куняев прав. Прав в своей горячности как поэт и в основательности доводов как публицист, верный традициям русской литературы.

Речь идёт ни много ни мало о выборе пути. И в литературе, и в жизни. «Любовь, исполненная зла» даёт картину духовно-нравственной порчи в среде литературной интеллигенции на рубеже прошедших веков, когда и в самом деле «революции, как волны, накатывались на страну одна за другой: антихристианская, антисемейная, антигосударственная, сексуальная, экономическая...». Первая из революций – определяющая. Так утверждали русские философы начала XX века: прежде всех потрясений – религиозный кризис, разрушение идеалов, затем крушение политики, экономики и т.д. Ст. Куняев своё обличение греховности Серебряного века выстраивает именно в этой мировоззренческой системе, что вернулась в Россию вместе с трудами П.А. Флоренского, С.А. Франка, Ф.А. Степуна, И.А. Ильина, Л.П. Карсавина, Н.О. Лосского из Русского зарубежья в конце

80-х. Идеи философов, напряжённо осмысливавших духовное состояние и пути своей Родины перед революцией и после, ещё не освоены в полной мере новой Россией. А главное, они не были приняты либеральной частью постсоветской интеллигенции, победившей в 90-е годы её патриотическое крыло. Напротив, борцы со «сталинским тоталитарным режимом» вольно или невольно продолжили революционную традицию.

Этим объясняется полемический накал исследования Ст. Куняева, русского патриота по своим убеждениям.

СОБЛАЗНЁННЫЕ ВЕРОЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЕНИЕ

Отказ от религии, как известно, не означает полного атеизма, чаще происходит замена религий – вера в Бога вытесняется верой в новую идею, вождя и т. д., и можно наблюдать возврат к язычеству или Ветхому Завету. И мне близка мысль Ст. Куняева, что «дети Серебряного века вообще думали, что в центре мироздания, являясь его осью, стоит поэзия, а поскольку каждый из них считал себя (иногда не без оснований) поэтом всемирного масштаба, то впасть в иллюзию гордыни им ничего не стоило. Этой «высокой болезнью» болели все...». Связана ли новая религия с современным поклонением «правам человека», как утверждает автор? Возможно, но скорее в атеистическое время верований было много больше. Для кого-то, безусловно, это культ свободы со всеми её правами; однако в стране, пережившей Великую революцию и Великую Отечественную войну, свобода как таковая не стояла на первом месте, и потому алтарём для одних стал самый близкий круг – своя семья, для других – трудовой коллектив, или напротив, то, что находилось вне «обязаловки» и «уравниловки»: общение с природой, штурм горных вершин и т. д. И конечно, для многих – любимая профессия, призвание, труд.

На последнем стоило бы задержаться. Это отдельная тема, которая содержит в себе и высокий подвиг, и глубокий, невиданный провал. В. Распутин как-то заметил, что в советской стране труд стал религией. Это так, и благодаря этой религии поднялась наша страна. Не случайно в годы падения социализма появилось слово, унижающее трудолюбца, – «трудоголик». Рифмуется с «алкоголиком»: дескать, упоение работой – болезнь, не более того. Здесь открывается целая философия, когда можно рассуждать о меняющемся характере труда, развитии техники, ныне всё более отлучающей человека от прямых усилий рук, сердца и ума (по сути, развращающей), о разных идеологических основах труда – протестантской, социалистической и т. д.

Но мы остановимся единственно на «высокой болезни» – когда для человека божеством становится искусство.

Сегодня есть возможность проследить и дальше конфликт веков, конфликт религий. Будем, конечно, иметь в виду: «процесс пошёл» во всём мире. И декаданс, и авангард, и постмодерн, а также всевозможные секуляризация, эмансипация, глобализация наконец – явления, характерные для многих стран, они и приходят к нам всегда извне (как правило, с Запада), но будем помнить: от духа, каким живёт Россия, кое-что зависит в мире.

Отношение художника к искусству, понимание своего дара и предназначения хорошо показывает, как меняется самосознание человека, поскольку в основе

творчества лежит непосредственное восприятие мира и обострённое чувство времени. Ст. Куняев прослеживает влияние Серебряного века на своё поколение. Есть смысл продолжить разговор на примере последующих.

В отличие от старших собратьев по перу, поэты, родившиеся в конце 40-х – начале 50-х, испытали на себе сильнейшее воздействие именно Серебряного века. Ахматова, Цветаева, Пастернак, Мандельштам, Гумилёв не сходили с языка. Студенты 60-х говорили друг с другом цитатами из «12 стульев» Ильфа и Петрова; признаться, что сатанинские мотивы булгаковского романа «Мастер и Маргарита» пугают, а культурные ассоциации в стихах Мандельштама не трогают, означало зачислить себя в разряд отсталых, кому не дано понять. Если «шестидесятники» хоть и разделились на «громких» и «тихих», наследуя обе традиции (и «серебряную», и «золотую»), они всё-таки воспитывались на культуре Золотого века. В конце 30-х – 40-е годы из представителей революционной эпохи в школе изучался только Маяковский. А он далеко не всем был близок. К 60-м, «оттепельным» годам, когда появились томики полу- и вовсе запрещённых имён из 20-х, литераторы, рождённые в предвоенное время, уже сформировались. К тому же рядом с ними звучала мужественная лира поэтов военной поры – Александра Твардовского, Константина Симонова, Сергея Орлова, Давида Самойлова, Александра Межирова, Юлии Друниной, Николая Старшинова и других. И сегодня мы можем убедиться: период середины 20-х – конца 30-х годов полон дат рождения писателей, чьи имена стали самыми значительными в русской советской литературе второй половины XX века.

Послевоенные поколения восприняли Серебряный век как небывалое открытие, как утончённое выражение более богатой палитры чувств в сравнении с «поэзией огненных лет» и соцреализмом. И это неудивительно. Ведь Серебряный век расточал сокровища, накопленные в Золотом веке.

Поэты (художники вообще) к концу XX столетия переняли настрой Серебряного века в отношении к искусству как к религии. Я не говорю об авангардистах, постмодернистах – здесь прямое наследование. Но даже те, кто считает себя продолжателями русской классической традиции, кто спустя время отмежевался от Серебряного века, внутренне остались верны взгляду на творчество как на «ось мироздания». Женская поэзия, безусловно, выростала из Ахматовой и Цветаевой. И дело даже не во внешнем подражательстве, тем более ученичестве, которые считаю невозможными по причине несопоставимости эпох, выпавших поэтам начала XX века и моим современникам. И потому не ставлю задачу проследить, кому чего удалось достигнуть на этом пути, мне важнее само направление движения.

Художник на стыке XIX и XX веков назвал себя демиургом и мог позволить себе всё. Художник последней трети XX века мог позволить себе многое – в пределах, свойственных его времени, разумеется. Атеист по воспитанию, он уверовал в искусство, в «свою звезду», мог отказаться от государственного поприща, от быта, пожертвовать семьёй... «Я поэт, этим и интересен...»

И это означало положить на алтарь творчества судьбу, сделать свою личную жизнь материалом для литературы (характерен на эту тему пример, приведённый Ст. Куняевым с Анной Ахматовой). Опять-таки трудно провидеть все взаимосвязи между судьбой и творчеством, но показательны предпочтения. Проще говоря, что первое для художника: жизнь, включая её вечные идеалы и личную ответственность, или искусство с меняющимися критериями? Жизнь во имя самой жизни.

творчество как одна из радостей бытия – то путь Золотого века. Жизнь во имя творчества – путь века Серебряного (см. у Мозма в пьесе «Театр»: театр – это настоящая жизнь, а жизнь – это театр).

Но ломая реальность, глумясь над идеалами, пренебрегая судьбами близких и своею, художник рубит не просто сук и не только под собой – он рушит само древо культуры.

...При мысли о своём поколении всегда испытываю и боль и сожаление. Так и хочется повторить вслед за поэтом-сибиряком В. Забелло: «Много нас опало пустоцветом, мало нас корнями проросло». Объективное смягчающее обстоятельство – рождённых в послевоенные годы писателей физически мало. Сказались потери в войне и перед войной. Порой кажется, все мы появились на свет случайно: чей-то отец выжил в бою, чей-то – в лагере, и я всегда думаю о том, сколько больших талантов просто не родилось.

Литературная поросль 70-х пришла, когда в полную силу развернулись писатели-фронтовики, поэты и «громкие» и «тихие», прозаики-«деревенщики» – самая пора расцвета советской литературы. Иные из ровесников жалуются, что старшие их заглушили. Это верно, но лишь в той мере, в какой более ранние сильные побег утесняют подрост. Ведь не затмил Пушкин Лермонтова (печально, кстати, смотревшего на своё поколение!), и не он написал «Бородино», хотя в войну 1812 года ему было тринадцать лет, а Лермонтов родится только через два года после войны.

Помимо всего, те, кто старше на десять-пятнадцать лет, оказались ещё и более «языковыми» и образованными: культурная традиция старой России стала восстанавливаться в 30-е годы. С середины же 60-х намечилось снижение качества школьного образования: среди послевоенных учителей всё меньше оставалось педагогов дореволюционной выучки, которые, как сказано не нами, «выиграли войну». Помню, в издательстве, где проработала больше двадцати лет, редакторы старшего возраста без особых ожиданий встречали рукописи молодых, приговаривая: «Не тот писатель пошёл». А мне так хотелось, чтобы тот! Обижаться, что нам чего-то недодали, бессмысленно – иди и бери, точнее, выдавай – согласно закону творчества. Да ведь и поддерживали нас, чего уж там... Сколько семинаров, конференций проводилось под флагом: мы ищем таланты!

...И так уж повелось, таланты искали более всего в художественных жанрах. В литературе – это проза и поэзия. Например, у нас в Иркутске за три десятилетия традиционной конференции «Молодость. Творчество. Современность» всего однажды была организована секция критики – случайно оказалось три-четыре автора критических статей. Такие жанры, как очерк, публицистика, были отданы Союзу журналистов – там проводились свои конкурсы.

Художественность была поставлена во главу угла, и все начинающие хотели быть художниками, вольными творцами. Партийные идеологи, со своими призывами вникать в современную действительность, писать на «рабочую тему», только подстёгивали в другую сторону.

Прервусь: со временем всё больше поражаешься, какие противоположные течения бурлят в мире! С одной стороны, тотальная стандартизация, навязывание своих порядков сильными мира сего, с другой – полное раскрепощение, подталкивание к свободному творчеству всех и каждого. Как это стало заметно в последние десятилетия – ещё и в связи с развитием бизнеса. От человека требу-

ется всё больше изобретательности в создании и продвижении товара на рынок. Одновременно «раскручивают» юные таланты в сфере высокого искусства, начиная едва ли не с детских садов. Тоже своего рода бизнес: за обучение платят родители и государство. Так эксплуатируется творческое начало, Божий дар.

Но продолжим. Тем более что открывается ещё один сюжет, и он имеет прямое отношение к Серебряному веку с его религиозным поклонением художественному дару.

А ВЕДЬ ПУШКИН ПРЕДОСТЕРЕГАЛ!

Этот сюжет – бунт Сальери против Моцарта. Куда же мы без Пушкина, если он продолжает говорить о нас! В своей маленькой трагедии под первоначальным названием «Зависть» он, по сути, предсказывает большую трагедию творческого духа в Серебряном веке.

Вот и сравнительно недавний очерк Н.Н. Скатова «Пора литературных моих трудов настаёт...» (НС. 2013. № 1) ещё раз и очень кстати напомнил о том, что история Моцарта и Сальери не просто конфликт ремесленника и художника, а «трагическая коллизия бытия: тяжба таланта с гением во имя мировой справедливости... богоборчество...» Обрываю цитату, чтобы сосредоточиться на важной для меня мысли. Она об упрощении конфликта, которое оказалось живучим в творческой среде.

Помню, как меня однажды поразило, с какой лёгкостью преподаватель Иркутского пединститута, учёный-филолог Татьяна Краснова в разговоре о молодёжи, пробующей перо, обронила:

– Я говорю своим студентам: вы только не путайте талант Моцарта и талант Сальери. Это два разных таланта, и может быть, вы – Сальери.

Сказано было словно о чём-то само собой разумеющемся. Моя первая опасливая мысль: как же студенты? Не обиделись?.. Ведь злодейство Сальери закрывает пути выбора. Имя Сальери стало синонимом посредственности, убивающей гения. Если творить – то как Моцарт и не иначе. Стушевалась, ушла на задний план немаловажная подробность: Сальери – талантливый музыкант и музыковед. Ведь именно ему показывает Моцарт свои новые вещи и ценит его мнение. Их дружбе помешало одно – зависть Сальери. Детское чувство, с возрастом побеждаемое разумом и совестью... Считая Моцарта ребёнком, Сальери сам был ребёнком, но злым. Иначе бы он понял, что завидовать гению невозможно, как невозможно завидовать высоте горной вершины или мощи водопада.

Бог, на его взгляд, несправедливо распределил высший дар. Ведь Сальери преданно служил искусству и добился успеха – в меру отпущенного ему таланта. Но он хотел быть Моцартом! Сальери – не атеист, он верующий, только на место Бога поставил искусство. И его слова «Ты, Моцарт, бог, и сам того не знаешь» несут в себе нечто большее, чем просто высшую похвалу таланту. Показательно сведение Моцартом слов Сальери к шутке: «...но божество моё проголодалось».

Не занимаясь специально этой темой, рискну не согласиться с уважаемым Н.Н. Скатовым в одном: что Моцарт не понимал Сальери, когда зачислил его в гении вместе с собой. Мне ближе другое, возможно, и не новое толкование.

Всегда ли гений осознаёт свою гениальность и безошибочно определяет гениальность других? Совпадают ли его мерки с мерками большинства? Почему

нас порой удивляет похвала крупного художника таланту заурядному, в то время как незаурядному выказывается равнодушие или даже неприятие? Насколько обязателен в гении дух соперничества?

Пушкинский Моцарт – воплощение искренности и бескорыстия. Он хвалит друга-композитора за созданный им «один мотив», который запомнился, восхищается способностью Сальери тонко оценить новое произведение: «Когда бы все так чувствовали силу Гармонии!». Именно поэтому считает его равным себе и уверен, что Сальери также не сомневается: «...гений и злодейство – две вещи несовместные».

Отношение Моцарта к Сальери раскрывает ещё одну сторону трагедии Сальери: она не только в зависти, но и в непонимании себя, своего предназначения. Он положил жизнь, чтобы сделаться композитором, а когда понял, что не достиг высот Моцарта, отравил его, оправдываясь тем, что устраняет разрушителя уже созданной системы ценностей. Вместо того чтобы обратиться к своему другому дару – дару исследователя. Но зависть к художнику, разрушившая сначала веру в Бога, разрушила и его дар.

Серебряный век дал изысканную художественность, но отнял всеобъемлющий идеал. И ныне подтверждается этот водораздел: или художник (в нашем случае писатель) чувствует над собой высшую силу и следует ей, или верует в искусство, в себя как творца, незаметно впадая в самообожение. Первых ведёт призыв Неба, выраженный Пушкиным: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли, исполнись волею моей», рубцовское «о чём писать, на то не наша воля», вторых – погружение в себя, нередко переставшего чувствовать пульс бытия, утратившего призванность к высокому служению (а не к «высокой болезни»).

Разделительная черта совпадает с границей между Золотым веком и Серебряным.

ТАК – МИРОМ БЫТЬ ИЛИ ГОВОРИТЬ О НЁМ?

Полезно прислушаться к самим писателям, нашим современникам, что они думают на предмет «я и творчество».

На одной из встреч В. Распутина спросили: как идёт ваш творческий процесс. Хорошо запомнился ответ: «Да никак не идёт. Пишу, когда чувствую: есть что сказать. Такого нет, чтобы садиться каждое утро за стол и заставлять себя работать. Да и отвлекаюсь... Вот теперь по Байкалу – и писать приходится, и выступать...»

Из сказанного ясно, что жизнь с её тревоблениями важнее для писателя, чем литература. Иначе думают другие. Они и распутинскую публицистику числят по второстепенному разряду, как нечто дополнительное и даже необязательное. Приходилось подобное слышать и у нас в Иркутске. Естественно, от тех, кому прямые ответы писателя на болевые вопросы времени, что называется, не в бровь, а в глаз. А вот если бы правители России прислушались к тому, о чём говорит в очерках и интервью государственный Распутин, они бы поменьше допускали ошибок в своей работе.

Так же в пользу жизни делали выбор драматург Александр Вампилов и поэт Ростислав Филиппов (тоже сибиряк). Вампилов: «Кто что ни говори, а жизнь всегда мудрее нас, живущих и мудрствующих»; «Писать надо только о том, из-за

чего не спится по ночам»; «Я слышал, ты пишешь? Пиши, только не придавай этому слишком большого значения». (Последнее обычно приводится, как насмешливый совет графоману, но, думаю, может толковаться и шире.)

У Филиппова есть стихотворение о том, что не стоит уповать на всеисилие поэзии:

Когда в печи твоей румяной,
Смеясь, сжигал за годом год,
О Юность! верил я упрямо:
Меня поэзия спасёт.

.....
Но не спасла, и не спасала,
Другие у неё дела.
Спасибо, что не оставляла,
Поддерживала, как могла.

У него же:

...И в сад поэзии уплыть
Я мог бы – и с концом...
Но интересней миром быть,
Чем говорить о нём...

Сюда же причисляю и Ст. Куняева. Помню его ответ на вопрос, что значит для него поэзия, на встрече с иркутскими читателями: «Считаю главным для себя как поэта – быть свидетелем своей эпохи, запечатлеть чувства людей, в ней живущих...» И ещё: «По русской литературе можно изучать историю...» В годы очередного переворота поэт отодвинул стихи и ушёл в публицистику, погружившись в самые острые, самые запутанные темы. Не буду говорить и о его журнальной деятельности – она всем известна.

Подобных примеров отношения к миру почти не нахожу в среде более молодых литераторов. Да, есть, и немало, тех, кто делит своё время между художественным творчеством и, допустим, журналистикой, стараясь преуспеть в том и другом, но чаще это сочетание вынужденное, без вдохновения к «нетворческому» занятию. Как правило, «чистые художники» не любят тратить себя на другие жанры. Многие сначала не хотят, а потом уже и не могут написать рецензию или очерк, считая это «нецарским делом».

В обозреваемом мной пространстве приведу только один пример полного писательского самоотречения во имя огромного дела. Это выпуск православного «Литературного Иркутска» в 1988 – 1993 годах представительницей послевоенного поколения, прозаиком и поэтом Валентиной Сидоренко, издания, объединившего писателей, духовенство, деятелей культуры не только земли иркутской, но и России, и части Русского зарубежья на пути возрождения православия в нашей стране.

Разумеется, итоги подводить рано. Таланты, конечно, есть. Однако помешала очередная революция. Те, кто остался в литературе с 70 – 80-х годов, не устояли в 90-е перед упоительной свободой от цензуры и редакторов и увлеклись изданием увесистых «кирпичиков» вместо прежних тонких книжек. Многословие и самоповторы нередко заслоняют лучшее. Как будто слишком всерьёз (или слишком прямолинейно?) был воспринят призыв Пастернака: «и поражения от победы ты сам не должен отличать». На этом фоне краткость и простота стихов, например,

Николая Зиновьева (1960-го года рождения), искренность его протеста против перекосов перестроечной России выльдет новым словом. Хотя и усматривают некоторые поэты недостаток образности в его стихе, но я помню, как на выступлениях Зиновьева в Иркутске в дни «Сияния России» зал потрясённо затихал, стараясь не пропустить ни единой строчки, произнесённой тихим, даже слабым голосом.

Не называю больше имён, поскольку боюсь пройти мимо тех, кто пока неизвестен, но, не давая себе слабину, прорывается к слову истинной значимости. Кто в пушкинском «ты сам свой высший суд» делает ударение не на слове «сам», а на слове «высший»...

Литература и искусство ещё не вся жизнь – это открытие в перестроечные годы обухом топора обрушилось на советскую творческую интеллигенцию. Профессиональные союзы (писателей, художников, артистов и т.д.) были приравнены к ряду общественных организаций без обязательства финансовой поддержки со стороны государства. В перечне профессий нет профессии писателя. Как водится в переворотках, с водой выплеснули ребёнка, не осознав, что прежняя власть сумела создать условия для появления литературных имён мирового уровня, а писательская рать, в свою очередь, совершила много полезного для просвещения народов Советского Союза. Хотелось бы надеяться на постепенное выправление перегибов и неокончательную победу общества потребления.

Но есть и положительная черта, во всяком случае, одна. С возрождением православия открылась возможность восстановления иерархии ценностей. Как мы воспользуемся этой возможностью, другой вопрос, но человек уже по-иному оценивает своё место в мире, своё призвание. Творец литературы не может ставить себя вровень с Творцом Вселенной. По крайней мере, среди хаотичного многообразия литературных движений нет-нет да и раздаются трезвые молодые голоса, желающие отличать высокое от низкого и понимающие, что есть высоты недостижимые.

Учитывая опыт русской поэзии, с её устремлённостью к идеалам и отпадением от них, хочу вернуться к теме Моцарта и Сальери, связывающую воедино всю остроту отношений художника к искусству, религии и жизни, и сказать нечто утешительное тем, кто пытался, но «не вышел в Моцарты».

...Кем-то было остроумно замечено: Вседержитель неравномерно рассеял по свету талант. Подобно окроплению священником паствы святой водой – кому-то досталось больше, кому-то меньше. Но если на вас упала всего лишь маленькая капля, искра большого дара – радуйтесь. Надо ли раздувать её искусственно, от этого она может погаснуть, не лучше ли поместить её туда, где она разгорится пусть в небольшое, но чистое пламя и озарит вашу работу. Главное, не поверить Сальери, что Моцарт – Бог. Сам Моцарт так не считал, потому он и гений.

...Дописываю страницу, а на телеэкране разворачивается новый сериал по булгаковскому роману «Мастер и Маргарита» – одному из самых знаковых произведений Серебряного века. Скоро по ночному небу полетит на бал сатаны Маргарита, вступившая в связь с нечистой силой с единственной целью: любой ценой спасти Мастера и его роман... Удастся ли увлечь этим полётом нынешнего зрителя?..

